

Святитель
ИГНАТИЙ
(БРЯНЧАНИНОВ)

Восхождение
на путях
духовной жизни

НЕУГАСИМАЯ
ЛАМПАДА

святоотеческая серия

О
А
Г
О
С

І
Г,
Н
А
Т
І
Н

**Святитель
ИГНАТИЙ
(БРЯНЧАНИНОВ)**

**Восхождение
на путях
духовной жизни**

Москва

2013

УДК 271.22-475.5

ББК 86.37

Б89

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
(Пер.№ ИС 12-207-0549)

Серия «Неугасимая лампада»

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

Б89 Восхождение на путях духовной жизни / Свт. Игнатий (Брянчанинов). – М. : Неугасимая лампада, 2013. – 64 с.

ISBN 978-5-9946-0230-0

УДК 271.22-475.5

ББК 86.37

Святитель Игнатий (Дмитрий Александрович Брянчанинов, 1807–1864) принадлежит к числу наиболее выдающихся пастырей русского народа. Будучи в равной степени близок к великим духовным наставникам своего времени, к русской интеллигенции, и к простому народу, святитель в своих сочинениях, словах и письмах доступным образом изложил важнейшие истины православной веры, ответил на самые непростые вопросы. Настоящая брошюра представляет собой краткую подборку поучений святителя Игнатия об основных моментах духовной жизни. Каждый из отрывков, для удобства дальнейшего изучения трудов святителя, снабжен указанием на произведение, из которого он взят, а также номером тома по полному изданию его творений.

ISBN 978-5-9946-0230-0

© Издательство «Неугасимая лампада», 2013

Подписано в печать 01.06.13. Формат 84x108/32. Бумага газетная.
Печ. офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Тираж 10000 экз Заказ № 7071.

Отпечатано в ООО «Тульская типография»
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ООО «Неугасимая лампада»
107143, г. Москва, ул. Тагильская, д.4

Человек

Человек — образ и подобие Бога. Бог, неприступный в величии Своем, Бог, превысший всякого образа, изобразился в человеке, изобразился с ясностью и славою. Так изображается солнце в смиренной капле воды. Существо человека, верховная его сила, которою он отличается от всех земных животных, которою он равен Ангелам, дух его есть образ существа Божия; свойства духа человеческого служат в состоянии непорочности своей, подобием свойств Бога, Который, начертав всемогущею десницею Свое подобие на человеке, пребывает превыше всякого подобия и сравнения.

Какое же превосходное, исполненное многообразного достоинства, многообразной красоты существо — человек?!

Для него создана Создателем вся видимая природа; вся она назначена в служение ему, вся она — его чудная обстановка.

Когда Создатель извлекал в бытие из ничтожества все прочие творения, — довольствовался тем, что произносил Свое всемогущее повеление. Когда же восхотел навести дело мироздания сотворением изящнейшего, совершеннейшего создания, Он предваряет сотворение совещанием.

Громадное вещество, в его необозримом и неисчислимом разнообразии, созданное прежде человека, было — скажем утвердительно, потому что скажем справедливо, — созданием приготовительным. Так земной царь устраивает и украшает великолепный чертог для того, чтоб в нем поставить свое изображение.

Царь царей и Бог богов prepares всю видимую природу, со всем ее убранством, со всем зримым нами изумительным великолепием. Потом в этот чертог поставляет, как конечную причину всего, Свой образ.

По окончании мироздания, пред созданием человека, Бог осматривает сотворенное Им и находит его удовлетворительным: «И увидел Бог, что это хорошо». (Быт. 1, 25).

По сотворении человека снова Бог осматривает все сотворенное Им и уже находит творение Свое изящным, полным, совершенным: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма». (Быт. 1, 31).

О образе и подобии Божиих в человеке (т. 4)

Образ Троицы–Бога — троица–человек

Три лица в троице–человеке — три силы его духа, которыми проявляется существование духа. Мысли наши и духовные ощущения проявляют существование ума, который, проявляясь со всею очевидностью, вместе пребывает вполне невидимым и непостижимым.

В Священном Писании и в писаниях святых отцов иногда вообще душа называется духом, иногда называется духом отдельная сила души. Отцы называют эту силу души словесностью или силою словесности. Они разделяют ее на три частные силы: ум, мысль, или слово, и дух. Умом они называют самый источник, самое начало и мыслей духовных, и ощущений. Духом, в частном значении, называется способность духовного ощущения. Нередко в отеческих писаниях словесная сила или дух называются умом; нередко называются умами сотворенные духи. Целое получает имя от главной своей части.

Самое существо души нашей — образ Бога. И по падении в грех душа пребывает образом! И вверженная в пламень ада душа грешная, в самом пламени ада, пребывает образом Божиим! Так научают святые отцы (*Св. Димитрий Ростовский. Летопись*).

Воспеваает святая Церковь в своих песнопениях: «Образ есмь неизреченные Твоя славы, аще и язвы ношу прегрешений».

Ум наш — образ Отца; слово наше (непроизнесенное слово мы обыкновенно называем мыслью) — образ Сына; дух — образ Святаго Духа.

Как в Троице—Боге три Лица неслитно и нераздельно составляют одно Божественное Существо, так в троице—человеке три лица составляют одно существо, не смешиваясь между собою, не сливаясь в одно лицо, не разделяясь ни три существа. Ум наш родил и не престаёт рождать мысль, мысль родившись, не престаёт снова рождаться и вместе с тем пребывает рожденною, сокровенною в уме.

Ум без мысли существовать не может, и мысль без ума. Начало одного непременно есть и начало другой; существование ума есть непременно и существование мысли.

Точно так же дух наш исходит от ума и содействует мысли. Потому—то всякая мысль имеет свой дух, всякий образ мыслей имеет свой отдельный дух, всякая книга имеет свой собственный дух.

Не может мысль быть без духа; существование одной непременно сопутствуется существованием другого. В существовании того и другого является существование ума.

Что — дух человека? Совокупность сердечных чувств, принадлежащих душе словесной и бессмертной, чуждых душам скотов и зверей.

Сердце человека отличается от сердца животных духом своим. Сердца животных имеют ощущения, зависящие от крови и нервов, не имеют ощущения духовного — этой черты Божественного образа, исключительной принадлежности человека.

Нравственная сила человека — дух его.

Наш ум, слово и дух, по единовременности своего начала и по своим взаимным отношениям, служат образом Отца, Сына и Святого Духа, совечных, собезначальных, равночестных, единоестественных.

«Видевший Меня видел Отца, — возвестил Сын. — Я в Отце и Отец во Мне» (Ин. 14, 9–10). То же можно сказать о уме человеческом и мысли его: ум, невидимый сам по себе, является в мысли; ознакомившийся с мыслью, ознакомился с умом, произведшим эту мысль.

Господь наименовал Духа Святого «Силою свыше» (Лк. 24, 49), «Духом Истины» (Ин. 14, 17); Истина — Сын. Свойство силы имеет и дух человеческий; он есть и дух мыслей человека, истинны ли они или ложны. Он проявляется и в тайных движениях сердца, и в образе мыслей, и во всех действиях человека. Духом человека выраживается и ум его, и образ мыслей; дух каж-

дого поступка вынаруживает мысль, руководившую человека при поступке.

О образе и подобии Божиих в человеке (т. 4)

Душа

Душа, пребывающая в служении Богу, учающаяся в Законе Божиим день и ночь, соединяется во един дух с Господом (ср. 1 Кор. 6, 17), роднится с Его Законом святым, соделывается сестрою его, пророчицею, как заимствующая из него благодатное вдохновение. Когда она увидит избавление свое от смерти греховной, от потопления в суетных попечениях и занятиях мира, от власти и насилия фараона, тогда настраивает чувства сердечные в чудный мир Христов и, прикасаясь к ним, как к струнам, Божественными помышлениями, издает дивные, вещие звуки, воспевает хвалу Богу, таинственно, духовно, наслаждительно.

Песнь под сению Креста (т. 1)

Сделаем запрос уму нашему, этому главному орудию для приобретения познаний, чтоб он дал существенное определение себе: что — он? Сила души? Но этим высказывается лишь понятие, явившееся в нас от впечатлений, произведенных действиями ума, — не определяется сущность ума.

Точно то же должны мы сказать и о духе человеческом, то есть о тех возвышенных сердечных чувствах, которых лишены животные, о чувствах, которыми сердце человека отличается от сердца животных и которые составляют изящный избыток чувств в сердце человеческом пред сердцами животных. Дух — сила души. Каким образом соединены силы души с самою душою? Образ соединения непостижим, так как непостижим образ соединения тела с его чувствами, зрением, слухом и прочим разнообразным осязанием. Чувства тела оставляют тело в то время, когда оставляет его жизнь, уносятся из него отходящею душою. Значит, телесные чувства принадлежат собственно душе и, когда она пребывает в теле, делаются как бы чувствами тела. Отсюда вытекает необходимое естественное последствие: способность души чувствовать то же, что чувствует тело... Существует между тварями постепенность и происходящее из постепенности различие, как и между числами. Различие может быть очень значительным; но оно не уничтожает ни сродства, ни постепенности. В этой постепенности одно грубее по отношению к нам, другое тоньше; но все сотворенное, ограниченное, существующее в пространстве и времени, не может быть чуждым вещественности — этой неотъемлемой принадлежности всего ограниченного. Невеществен — один Бог: Он отличается решительным различием от всех тварей; Он противоположен

им по существу и свойствам так, как противоположно бесконечное числам, всем без исключения.

Судьбы Божии (т. 2)

Добро и зло

В падшем естестве человеческом добро смешано со злом. Прившедшее в человека зло так смешалось и слилось с природным добром человека, что природное добро никогда не может действовать отдельно, без того, чтоб не действовало вместе и зло. Человек вкушением греха, то есть опытным познанием зла, отравлен. Отрава проникла во все члены тела, во все силы и свойства души: поражены недугом греховным и тело, и сердце, и ум... Пагубно льстя себе и обманывая себя, падшие человеки называют и признают свое сердце добрым; оно было добрым до падения; по падении добро его смешалось со злом, и для спасения должно быть отвергнуто, как оскверненное. Сердцеведец Бог всех человеков назвал злыми (ср. Лк. 11, 13). От греховной заразы все в человеке пришло в расстройство, все действует неправильно, все действует под влиянием лжи и самообольщения. Так действует его воля, так действуют все его сердечные чувствования, так действуют все его помышления. Тщетно и всуе именует их падшее и слепотствующ-

щее человечество добрыми, изящными, возвышенными! Глубоко наше падение, весьма немногие люди сознают себя существами падшими, нуждающимися в Спасителе; большинство смотрит на свое состояние падения, как на состояние полного торжества, употребляет всеусилия, чтоб упрочить, развить свое состояние падения.

*Слово о различных состояниях
естества человеческого (т. 2)*

Ум человеческий не в состоянии отличить добра от зла; замаскированное зло легко, почти всегда, обманывает его. И это очень естественно: ум человеческий юн, а борющиеся его злыми помыслами имеют более, чем семитысячелетнюю опытность в борьбе, в лукавстве, в ловитве душ человеческих. Различать добро от зла принадлежит сердцу, его дело. Но опять нужно время, нужно укоснение в заповедях евангельских, чтоб сердце стяжало тонкость вкуса к отличию вина цельнаго от вина поддельнаго. Что дело сердца отличать добро от зла и что сердце не вдруг стяжевает способность совершать принадлежащее ему дело, то и другое засвидетельствовал апостол: «Твердая же пища, — сказал он, — свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла» (Евр. 5, 14). Потому то, доколе сердце не стяжет навыка отличать добро от зла, очень полезен опытный

совет ближнего воспитанника Восточной Церкви, единой святой, единой истинной, ищущаго и нашедшаго в повиновении ей блаженную свободу. «От послушания, сказал святой Иоанн Лествичник, рождается истинное смирение; от смирения истинное духовное разсуждение, или разум». И так вне неуклоннаго послушания Церкви нет ни истиннаго смирения, ни истиннаго разума; там обширная область, темное царство лжи и производимаго ею самообольщения. Отличается добро от зла очень многими признаками, которые познаются по мере духовнаго преуспeyяния.

Письмо 186 (т. 6)

Воля

Положивший себе в цель жизни исполнение воли Божией, старается подробно и с точностию узнать эту всесвятую волю посредством тщательнейшего изучения Священнаго Писания, особливо Нового Завета, посредством чтения Отеческих писаний, посредством беседы и совещания с преуспевшими христианами, посредством исполнения евангельских заповедей и наружным поведением, и умом, и сердцем. «Закон свободы, — сказал преподобный Марк Подвижник, — разумением истинным читается, деланием заповедей разумеется, исполняется же щед-

ротах Христовых». Когда христианин начнет жить по воле Божией, благой, угодной и совершенной (ср. Рим. 12, 2), или по заповедям Нового Завета, тогда внезапно открывается ему падение и немощь естества человеческого. Немощь не позволяет ему исполнять чисто и свято заповеди Божии, как того требует Бог, а падение противится, часто с величайшим ожесточением, исполнению заповедей Божиих. Оно хочет и требует, чтоб исполнялись падшая воля и падший разум человеческие. Стремления этой воли и представления этого разума облакаются во все виды возвышеннейшей правды и добродетели. Познание внутренней борьбы, обличение и обнаружение живущего внутри греха, познание его насильственной власти над благими произволениями и стремлениями доставляют христианину правильное понятие о себе и о человечестве. Он видит падение человечества в себе; он видит из собственных опытов невозможность возникнуть из этого падения при одних собственных усилиях; он стяжывает истинное смирение, начинает приносить Богу теплейшее моление о помощи и заступлении из сердца сокрушенного, которому всегда внимает Бог. «Научи меня исполнять волю Твою» (Пс. 142, 10)! «Научи меня уставам Твоим» (Пс. 118, 12)! «Не скрой от мене заповедей Твоя» (Пс. 118, 19)! «Укрепи меня словами Твоих» (Пс. 118, 28)! «Путь неправды удали от

меня и согласно закону Твоим помилуй меня» (Пс. 118, 29)! Узнав на опыте, что заповеди Божии исполняются только при обильном содействии Божией благодати, испрашивая себе непрестанно молитвою это содействие, христианин не может не приписывать всех добрых дел своих Божией благодати. Вместе с тем он не может не признавать себя и грешником. С одной стороны, он узнал опытно свое падение и неспособность к исполнению воли Божией одними собственными силами, с другой, он и в самом исполнении заповедей Божиих при помощи благодати видит непрестанные погрешности, вводимые немощию и падением человеческими. Это со всею ясно-стью усматривается из отзывов о себе святого апостола Павла. В одном из посланий говорит он: «Я более всех их (апостолов) потрудились; не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною» (1 Кор. 15, 10), а в другом: «Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый» (1 Тим. 1, 15). Такова боголюбивая праведность! Она производится в человеке осенившей его Божественною благодатию, и благоугождает Богу делами богопреданной правды. Богоугодный праведник не престаёт признавать себя грешником не только по причине своих явных грехов, но и по причине своей естественной правды, находящейся в горестном падении, перемешанной со злом, оскверненной

греховною примесию. Блажен, кто праведен правдою Божиею, упование его сосредоточено во Христе, источнике его правды. Несчастлив тот, кто удовлетворен собственной человеческою правдою: ему не нужен Христос, возвестивший о Себе: «Я пришел призвать не праведников, но грешников на покаяние» (Мф. 9, 13).

Поучение 1-е в Неделю о мытаре и фарисее (т. 4)

Мир сей

Взоры мои обратились к миру; утехи, служения временные посреди него казались мне достоянием, назначением человека. Смерти не существовало для меня! Земная жизнь представлялась мне вечною: так мысль о смерти была чужда уму моему. Вечность!.. В недозримую даль ее не пускались мои взоры! — Я знал догматы и учение Святой Восточной Церкви, веровал им, но знание мое и вера были мертвые. В чем состояло падение человека, в чем состоит падение его, какие их признаки, какие доказательства? — Я не имел о том никакого опытного, живого знания. Я почитал заповедями Божиими одно ветхозаветное десятисловие, а заповедания Спасителя моего, всесвятые слова Его — одним нравоучением, последование которому и полезно, и похвально, но не долг непременный. Таким

образом несказанный дар благодати, данный при Крещении, был завернут, как талант евангельский, в убрусе незнания, закопан, глубоко сокрыт в землю — в попечения о снискании преходящих знаний преходящего мира; засыпан, как прахом, помышлениями о преуспении и наслаждениях временных, о служении суете и темному свету суетного века.

Плач мой (т. 1)

Бесы

Чувственно пребывает сатана в человеке, когда существом своим вселится в тело его и мучит душу и тело. Таким образом, в человеке может жить и один бес, могут жить и многие бесы. Тогда человек называется беснующимся. Из Евангелия видим, что Господь исцелял беснующихся; равным образом исцеляли их и ученики Господа, изгоняя бесов из человеков именем Господа. Нравственно пребывает сатана в человеке, когда человек сделается исполнителем воли диавола. Таким образом в Иуду Искаротского «вошел... сатана» (Ин. 13, 27), то есть овладел его разумом и волею, соединился с ним в духе. В этом положении были и находятся все неверующие во Христа, как и святой апостол Павел говорит христианам, перешедшим к христианству из язычества: «И вас, мертвых по преступлениям

и грехам вашим, в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления, между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие» (Еф. 2, 1–3). В этом положении находятся более или менее, смотря по степени греховности, крестившиеся во Христа, но отчуждившиеся от Него согрешениями. Так понимаются святыми отцами слова Христовы о возвращении диавола с другими семью лютейшими духами в душевный храм, из которого удалился Святой Дух (ср. Мф. 12, 43–45). Вшедшие таким образом духи, снова изгоняются молитвою Иисусовою, при жительстве в постоянном и тщательном покаянии. Предпримем спасительный для нас подвиг! Позаботимся изгнать духов, вошедших в нас, по причине небрежения нашего, молитвой Иисусовой.

Слово о молитве Иисусовой (т. 1)

Искушения

Бог никогда не попускает на истинных рабов Своих искушения, превышающего их силы. «Верен Бог, — говорит святой апостол Павел, — Который не попустит вам быть искушаемыми сверх

сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1Кор. 10, 13).

Диавол, будучи создание и раб Божий, озлобляет душу не столько, сколько хочет, но сколько дозволено будет Богом.

Если человекам не неизвестно, какую тяжесть может носить различный вьючный скот, то тем более бесконечная Божия Премудрость ведает, какой меры искушение прилично каждой душе.

Скудельник знает, сколько времени должно держать в огне глиняные сосуды, которые, будучи передержаны, распадаются, а будучи недодержаны, не годны к употреблению: тем более знает Бог, какой силы и степени нужен огонь искушений для словесных сосудов Божиих — христиан, чтоб они соделались способными к наследованию Царства Небесного.

Отрок не способен к отправлению служений в мире: он не способен к управлению домом, к возделыванию земли и к прочим житейским занятиям. Так, часто и души, будучи уже причастницами Божественной благодати, но не искушенные скорбями, наносимыми от злых духов, не свидетельствованные этими скорбями, пребывают еще в младенчестве и, так сказать, неспособны к Царству Небесному.

«Если же остаетесь без наказания, — говорит апостол, — которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны» (Евр. 12, 8).

Искушения и скорби ниспосылаются человеку для его пользы: образованная ими душа делается сильною, честною пред Господом своим. Если она претерпит все до конца в уповании на Бога, то невозможно ей лишиться благ, обещанных Святым Духом, и совершенного освобождения от страстей.

Слово утешения к скорбящим инокам (т. 1)

Радуйтесь при нашествии искушений! Как здесь, на земле, вы соделываетесь причастниками Христовых страданий: так в будущей жизни вы соделаетесь общниками славы Его и торжества (ср. 1 Пет. 6, 13). Дом Божий подлежит суду Божию, нуждается в этом суде (ср. 1 Пет. 4, 17). Домом Божиим называется и вся Церковь Христова, и каждый христианин. Требует этот дом посещения Божия и очищения, как подвергающийся непрестанному осквернению и повреждению. И при великой помощи от скорбей, смиряющих дух человека, столько склонный к превозношению, затруднительно, очень затруднительно спасение... При нашествии искушений не предавайтесь печали, безнадежию, унынию, ропоту, этим проявлениям гордости и неверия: напротив того, оживляемые и окрыляемые верою, «смиритеесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас» (ср. 1 Пет.

5, 6–7). Страждущие! Знайте, что вы страдаете по воле Божией; будьте убеждены, что без воли Божией, без попущения Божия не прикоснулась бы к вам никакая скорбь. Воззрел милостиво на вас Господь, возблаговолил о вас, признал ваши сердце и жительство благоугодными Себе и потому простер к вам руку помощи в судьбах Своих. Он послал или попустил вам скорби в очищение ваше, в охранение, в средство к достижению совершенства. Страждущий по воле Божией! При нашествии скорбей предавайте себя всецело воле и милости Божией и с особенною тщательностью прилежите исполнению заповедей Божиих (ср. 1 Пет. 4, 19). Время скорби есть то блаженное время, в которое Бог зиждет душу возлюбленного избранника Своего из среды человеков. Установлен Богом тесный и прискорбный путь из земной жизни к небу: заповедано шествие по этому пути под крестом; путем этим, под бременем креста Своего, прошел Вождь христианского племени, вочеловечившийся Бог. Крест — терпение в Господе всех огорчений и напастей, которые будут попущены промыслом Божиим. Таков суд Божий. На чем он основан? На том, что человек на земле — преступник в ссылочном месте. Этому преступнику дан краткий срок земной жизни единственно для того, чтоб он усмотрел свое состояние падения и отвержения, сознал необходимость спасения,

стяжал спасение при посредстве Искупителя человеков, Господа нашего Иисуса Христа. Преступник, исповедавший себя преступником, ищущий помилования, должен самую жизнью выразить исповедь в греховности. Исповедь не может быть признана искреннею, когда она не засвидетельствована соответствующим поведением. Преступник обязан доказать истину обращения своего к Богу исполнением воли Божией и покорностью этой воле: он обязан принести пред Богом, правосудным и в милости, терпение наказательных поущений Божиих, принести смиренное терпение, как фимиам благовонный, как благоприятную жертву, как достоверное свидетельство веры. Все святые, все без исключения, причастились пути скорбному (ср. Евр. 12, 8).

Судьбы Божии (т. 2)

Грех

Бежим, бежим убийцы нашего — греха! Бежим греха не только смертного, но и простибельного, чтоб он не обратился от небрежения нашего в страсть, низводящую в ад наравне со смертным грехом. Есть грехи простибельные. Так, если случится кому увлечься чревообъядением, блудным воззрением и помышлением, произнести гнилое слово, солгать, украсть что-

либо маловажное, потщеславиться, погордиться, прогневаться, на короткое время огорчиться или воспамязлобствовать на ближнего: во всех таких увлечениях, по немощи человеческой, когда за ними следует сознание и раскаяние, мы удобно получаем прощение от милосердного Бога. Простительный грех не разлучает христианина с Божественной благодатью и не умерщвляет души его, как делает то смертный грех; но и простительные грехи пагубны, когда не раскаиваемся в них, а только умножаем бремя их. По сравнению, сделанному святыми отцами, одинаково может потопить человека и навязанный на шею тяжелый камень, и навязанный мешок с песком: так одинаково влекут в адскую пропасть и смертный грех, и накопленное множество малых, простительных грехов. Что, например, сделал особенно худого евангельский богач, предававшийся ежедневно увеселениям, имея на то собственные средства? Причиною его гибели выставлена в Евангелии единственно его рассеянная жизнь, приведшая к совершенному забвению о вечной будущности и о добродетели. Рассеянность сделалась его страстью; вне ее он не понимал жизни.

Слово о смерти (т. 3)

Кто верный сын Православной Церкви, кто ежедневно, а еще лучше, если ежечасно, на вся-

ком месте владычества Божия, вспоминает Бога и просит у Него милости и помощи, кто по воскресным и праздничным дням тщательно посещает храм Божий, а дома молится каждое утро и вечер, кто милостив к нищим и странникам, кто приносит раскаяние в своих грехах и причащается Святых Христовых Таин, кто терпит великодушно посылаемые ему Богом скорби, кто тщательно занимается изучением слова Божия, тот имеет у себя драгоценный залог спасения. — Ему еще предлежит подвиг: он необходимо должен хранить свое сокровище — свое спасение от грехов, особенно от грехов смертных.

Что такое грех смертный? Смертный грех есть тот, который убивает вечную смертью душу человека, совершившего такой грех. Если человек умрет в смертном грехе, не принеся в нем должного покаяния, то демоны похищают его душу и низводят ее в подземные, мрачные и душные пропасти, во ад, на вечное мучение. Смертные грехи суть следующие: ересь, раскол, отступничество от веры христианской, богохульство, волшебство и колдовство, человекоубийство и самоубийство, блуд, прелюбодеяние, противоестественные блудные грехи, пьянство, святотатство, грабеж, воровство и всякая жестокая бесчеловечная обида. Из смертных грехов только для одного самоубийства нет покаяния; прочие же смертные грехи, по великой, неизреченной ми-

лости Божией к падшему человечеству, врачуются покаянием. Покаяние в смертном грехе состоит в том, чтоб исповедать грех духовному отцу, приняв от него епитимию и впредь в этот грех не впадать. Но как многим, впадшим в смертный грех, не оказалось возможности принести покаяния в грехе! Иной упился вином, и в этом состоянии душа его разлучилась от тела; иной пошел на воровство и грабеж, и гнев Божий поразил его на самом злодеянии! Берегитесь, братия, смертных грехов! Повторяю вам: смертный грех убивает душу. Если кто умрет в смертном грехе, не успев покаяться в нем, того душа идет во ад. Ей нет никакой надежды к спасению.

Что значат грехи несмертные? Это грехи помышлением, словом, делом, в ведении и неведении, которые не убивают души, но только более или менее уязвляют ее. Этих грехов не чужды и Святые; но Святые бодрствуют над собою, и, заметив согрешение, в которое увлекла их общая человекам немощь, тотчас врачуют его покаянием. Если последует разлучение души с телом в то время, как человек не успел омыть свои несмертные грехи покаянием, то душа не низводится по причине этих грехов во ад; ей попускается на пути к небу, на воздухе, истязание от духов лукавых, в соучастии с которыми совершаются человеками грехи, и предоставляется искупить согрешения добрыми делами. Если душа имеет до-

статочно добрых дел, в особенности если она во время земной жизни подавала много милостыни, то она искупает этой милостынею и прочими добрыми делами согрешения; ей отверзаются врата небесные, и она входит на небо для вечного упокоения и радования. Но случается, что у души бывает так много несмертных грехов и так мало добродетелей, что она за множество грехов несмертных низводится во ад. Святые Отцы уподобляют смертный грех тяжелому камню, а несмертный грех ничтожному зерну песка. Если навязать один большой камень на шею человека и погрузить его в глубину, то он потонет: так достаточно одного смертного греха, чтоб потопить душу в пропастях ада. Несколько зерен песка не составляют почти никакого груза: так и в Святых Божиих несмертный грех, весьма умалившийся и измельчившийся постоянным наблюдением за собою и постоянным покаянием, не имеет почти никакого влияния на их вечную участь. Но этот же несмертный грех в душах, преданных земным попечениям, в особенности земным увеселениям, получает необыкновенную тяжесть и наравне со смертным грехом низвлачает окаянную душу во ад. Например, если кто сказал смешное и даже неблагопристойное слово, потом раскаялся в нем, того грех удобопростителен; если же кто постоянно произносит смешные, кощунные и даже срамные слова, тот за постоянное

свое празднословие и сквернословие удобно может подвергнуться вечному мучению во аде. Несмертные грехи многочисленностию своею могут принести ту же гибель душе, какую приносит ей смертный грех. Так, мешок, набитый мелким песком и навязанный на шею человека, может потопить его столь же удобно, как может потопить и самый тяжелый камень.

Корень всем грехам, сказал святой апостол Павел, есть сребролюбие, а после сребролюбия, по мнению святых Отцов, чревообъядение, которого сильнейшее и обильнейшее выражение — пьянство. Изза любви к деньгам Иуда совершил ужаснейшее преступление между преступлениями человеческими: предал Господа. Изза любви к деньгам совершаются бесчисленные злодеяния: нарушаются законы Божеские и государственные, попирается правда, покровительствуется неправда, угнетается нищий, обогащается на гибель свою мздоимец. Сердце сребролюбца затворяется для милосердия, и он лишает сам себя милости Божией, или спасения, которое даруется одним милостивым. Преданный пьянству к каким беззакониям не способен? Он отселе раскален вином, как бы огнем геенским, безумствует, беснуется, как иступленный. Он готов на прелюбодеяние, он готов на ссоры, на драки, на разбой, на убийство. Все злодеяния представляются удобными для обу-

явшего от пьянства. При всем том его злодеяния не могут сравниться со злодеяниями сребролюбца, которого злодеяния обдуманы, прикрыты личиною правды, дальновидны, проникнуты и преисполнены лукавством сатанинским, действуют нередко в самом обширном значении и размере, потрясая и подрывая благосостояние целых народов. Не без причины Святое Евангелие говорит, что в сребролюбивого Иуду, для вспомоществования ему и для руководства его в адских замыслах, «вошел... сатана» (Ин. 13, 27).

О спасении (т. 4)

Терпение

Если никакое искушение не может коснуться человека без воли Божией, то жалобы, ропот, огорчение, оправдание себя, обвинение ближних и обстоятельств суть движения души против воли Божией, суть покушения воспротивиться и противодействовать Богу. Устрашимся этого бедствия! Размышляя о какой бы то ни было скорби нашей, не будем умедлять в размышлении, чтоб оно неприметным образом не отвлекло нас от смиренномудрия в явное или прикрытое самооправдание, в состояние, противное смотрению о нас Божию. Не доверяя немощи нашей, прибегнем скорее к верному оружию самоукорения!

На двух крестах, близ Спасителя, были распяты два разбойника. Один из них злоречил и хулил Господа; другой признал себя достойным казни за злодеяния свои, а Господа страдальцем невинным. Внезапно самоукорение отверзло ему сердечные очи, и он в невинном страдальце — человеке увидел страждущего за человечество всесвятого Бога. Этого не видели ни ученые, ни священники, ни архиереи иудейские, несмотря на то, что почивали на Законе Божиим и тщательно изучили его по букве. Разбойник делается богословом и пред лицом всех, признававших себя мудрыми и могущественными, насмехавшихся над Господом, исповедует Его, попирая своим святым мнением ошибочное мнение мудрых о себе и сильных собою. Разбойника—хулителя грех богохульства, тягчайший всех прочих грехов, низвел во ад, усугубил там для него вечную муку. Разбойника, пришедшего при посредстве искреннего самоосуждения к истинному Богопознанию, исповедание Искупителя, собственное и возможное одним смиренным, ввело в рай. Тот же крест — у обоих разбойников! — противоположные помышления, чувствования, слова были причиной противоположных последствий. Со всей справедливостью эти два разбойника служат образом всего человечества: каждый человек, истратив свою жизнь неправильно, в противность назначению Божию, во

вред своему спасению и блаженству в вечности, есть по отношению к самому себе и тать, и разбойник, и убийца. Этому злодею посылается крест, как последнее средство к спасению, чтоб злодей, исповедав свои преступления и признав себя достойным казни, удержал за собою спасение, дарованное Богом. Для облегчения страданий и доставления утешений духовных при распятии и пребывании на кресте распят и повешен на древе крестном вочеловечившийся Бог близ распятого человека. Ропщущий, жалующийся, негодующий на свои скорби окончательно отвергает свое спасение: не познав и не исповедав Спасителя, он низвергается во ад, в вечные и бесплодные муки, как вполне отчуждившийся, отвергшийся Бога. Напротив того, открывающий посредством самоукорения свою греховность, признающий себя достойным временных и вечных казней, входит мало-помалу самоукорением в деятельное и живое познание Исккупителя, которое есть жизнь вечная (Ин. 17, 3). Распятому на кресте по воле Божией, славословящему Бога с креста своего открывается таинство креста, и вместе с этим таинством таинство искупления человека Богочеловеком. Таков плод самоукорения. По отношению к всемогущей и всесвятой воле Божией не может быть иных соответствующих чувств в человеке, кроме неограниченного благоговения и столько же неограниченной по-

корности. Из этих чувств, когда они сделаются достоянием человека, составляется терпение.

О терпении (т. 1)

Борьба с помыслами

Каждый шаг в невидимой борьбе нашей ознаменован подвигом, ознаменован страданием, орошен потом усиленного насилия над собою. То побеждаем, то побеждаемся; то является надежда на расторжение плена, то снова видим, что цепи наши крепки, нисколько не ослаблены теми средствами, которыми мы думали ослабить их. Нас низлагают и немощь естественная, и немощь произволения, и омрачение разума, произведенное прежнею греховною жизнью, и расстройство сердца, стяжавшего порочные навыки, и влечения тела, вкусившего наслаждений скотоподобных, заразившегося вожделением их; нас наветуют падшие духи, желая удержать в порабощении. Вот тот тесный и прискорбный путь, устланный тернием, по которому ведет грешника к примирению с Богом молитвенный плач пред Богом, споспешествуемый делами покаяния, делами смирения, исполнением евангельских заповедей, внушаемый страхом Божиим.

Слово о страхе Божием и о любви Божией (т. 2)

Будь храбр, сражайся мужественно, стойко, упорно. От лености не предавай победы врагу. После поражения — не унывай; — снова за меч, и — на сражение! Язвы, полученные в бою, цели покаянием. Вот регул для невидимой душевной брани.

Кому Господь захочет даровать духовное преуспеяние, — попускает брани. Душевное искушение выминает, усмиряет человека, как коня — гонка на корде. Победителю дозволяется вход на вечерю благодати. И входит он, и вкушает, и наслаждается за вечерю Господа своего, как воин на пиру у царя, воин, доказавший преданность свою царю постоянством, мужеством, самыми язвами, победою.

Письмо 187 (т. 6)

Покаяние

Покаяние нам естественно. Это — действие совести нашей. Оно состоит в сознании своих погрешностей и в сожалении о них. Как по естественному влечению и убеждению, когда захотим, мы доверяем друг другу, так, по естественному влечению и убеждению, когда захотим, раскаяваемся друг пред другом во взаимных погрешностях. Раскаяние, будучи удовлетворением естественному сердечному требованию, приносит сердцу успокоение и услаждение. Оно вос-

становляет между людьми нарушенные мир и порядок, разрешает недоумения, врачует души от вражды и памятозлобия. Но мы раскаяваемся друг пред другом только тогда, когда захотим это сделать; без произволения естественная способность покаяния пребывает бездейственною.

Непостижимый Бог, по сотворении человека, даровав ему все средства к сохранению жизни, предоставил избрание жизни или смерти его свободному произволению: точно так и при искуплении непостижимый и в благодати и в разуме Своем Бог, совершив искупление, предоставил нашему произволению принятие или отвержение искупления. Он предварительно вложил в нас естественное свойство покаяния: то средство, которое мы употребляем для уничтожения вражды и восстановления мира между собою, Он восхотел употребить в средство уничтожения вражды и восстановления мира между Богом и человечеством, между отверженным и погибшим созданием и его всемогущим Создателем. Покайтесь! говорит Он человечеству, призывая человечество к Себе. Спасение ваше совершено Богом; смерть ваша поправа и умерщвлена Богом без всякого вашего участия, содействия, труда: произвольно отвергните смерть, принятую вами произвольно! произвольно примите блаженную вечную жизнь, отвергнутую вами произвольно! употребите для этого благовременно вложенное в вас свойство

покаяния, свойство, вполне зависящее от вашего произволения! Ничего тяжкого и нового не возлагается на вас: способ примирения между собою употребите в способ примирения с Богом.

Как первоначальная вера заключается в том, чтоб уверовать словам Божиим, так и первоначальное покаяние заключается в сознании своих согрешений и своей греховности, в сожалении о них, в принесении этих сознания и соболезнования посредством искренней исповеди и усердной молитвы пред лице Божие, с решимостью и обещанием оставить греховную жизнь и принять в правило поведения евангельские заповеди. За таким покаянием последует прощение грехов, примирение с Богом, усвоение Богу, по ясному свидетельству Священного Писания, которое говорит: «Беззаконие мое познах, и греха моего не покрых, рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви; и Ты оставил еси нечестие сердца моего» (Пс. 31, 5, церковнославянский перевод). Такое покаяние требовалось от принимавших христианство пред крещением их (ср. Деян. 2, 38); таким покаянием врачуются души христиан от язв, которыми уязвляет и оскверняет их грех по принятии крещения (ср. 1 Ин. 1, 9).

Евангелие приемлется верою (ср. Мк. 1, 15); жизнь по евангельскому учению усиливает веру, — веру от слуха, теоретическую, мало-помалу обращает в веру деятельную, практиче-

скую. Подобное совершается и с покаянием от жительствова по евангельским заповедям. Собственный свет падшего естества, как поврежденный грехом, слабо озаряет деятельность человека; при этом свете мы усматриваем немного наших погрешностей, видим одни, самые грубые и осязательные. Когда же деятельность наша озарится светом Христовых заповедей, тогда самовоззрение наше изменяется; мы начинаем усматривать в себе множество недостатков, которых прежде вовсе не примечали. В поразительном разнообразии является тогда пред мысленными очами наше повреждение грехом! Открывается нам и та греховность, которая составляет общее печальное достояние наше с прочими человеками, и та частная греховность, которая усваивается в собственность каждым человеком от его невнимательной, безрассудной жизни, предшествовавшей жизни, посвященной благочестию. С умножением побудительных причин к покаянию усиливается и усугубляется самое покаяние. Оно очищает око души. Очищенное око видит больше пятен на душевной ризе, нежели сколько их видало, будучи засорено, изъязвлено грехом: естественно, что от такого зренья усиливается и усугубляется покаяние. Оно действует в преуспевших подвижниках несравненно больше, нежели в начинающих подвиг. Нравственное христианское преуспяние есть преуспяние в

покаянии, потому что преуспевание в покаянии является от особенно тщательного исполнения евангельских заповедей. Чувством покаяния преизобиловали все Святые; деятельность свою они сосредоточивали в покаянии, и совершали заповеди, как уплату того страшного долга (ср. Лк. 17, 10), который и при постоянном уплачивании пребывает неуплаченным, который по совершенству Заимодавца и по немощи должников делается неоплатимым, хотя бы его и уплачивали непрестанно. Покаяние в созревших христианах получает особенное, обширное значение. Когда святого Исаака Сирского спросили: «Что есть покаяние?» — он отвечал: «Сердце сокрушенное и смиренное» (Слова, 41)...

По причине глубокого смирения своего величайшие угодники Божии как бы не видели благодатных даров, которыми они обиловали, — видели одну свою греховность, которая уже была омыта Божественною благодатию, свидетельствовавшею явным присутствием своим в избранных сосудах отъятие греховности. В числе свойств, которыми отличаются святые мужи, замечается и то, что они всегда имеют пред очами свой грех, хотя он и прощен Богом, оплакивают его, как бы только что соделанный и не удостоенный еще прощения. Так, святой Давид, плача, говорит: «Беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною» (Пс. 50, 5). Пове-

ствуют о святом апостоле Петре, что он в течение всей жизни памятовал свое отречение от Господа, и каждую ночь, когда возглашал петел, Петр предавался горькому рыданию, подобно тому, как он предался горькому рыданию и плачу в самую ночь отречения (ср. Мф. 26, 75). Преподобный Сисой Великий, египетский пустынножитель, был преисполнен даров Святого Духа; но при наступлении кончины он выразил желание остаться еще на некоторое время в земной жизни, чтоб усовершенствоваться в покаянии. Такое мнение о покаянии имели величайшие угодники Божии: оно образовалось в них от постоянного и тщательного очищения покаянием, причем ясными становятся для человека неизреченное величие Божие, ничтожность человека и тяжесть его падения.

Сообразно скудости сил, правильное же, по великой милости Божией, изображено здесь поприще покаяния живописью слова. По этому начертанию пусть каждый рассмотрит себя и определит свое место на поприще покаяния. Блаженны те, которые, вняв призыванию Божию, сознали свою греховность, раскаяваются в соделанных грехах и в греховной жизни, решились исповедать их, извергнуть из себя преступную любовь к греху искренним обличением греха, и вступить в жительство, противоположное греховному, в жительство по воле Божией, по учению

Евангелия. Блаженнее те, которые, потрудившись на поприще покаяния, увидели в себе оком души, по действию Божественной благодати, падение человечества вообще и свое собственное в частности, увидели, что мы все отравлены грехом, что отравлено им самое естество наше, — увидели действие на себя и на человечество падших ангелов и тяжкий плен, в котором мы находимся у этих врагов Божиих и наших. Зрители этого духовного видения могут всецело погрузиться в беспредельное море покаяния. Стократ блаженны те, которые, будучи очищены покаянием, по причине чистоты своей, возмогли усвоить себе непостижимое смирение Христово, сораспяться Христу, и с креста невольного, или по видимому произвольного, дарованного Христом, вопиют ко Христу: «Достойное по грехам нашим приемлем: помяни нас, Господи, когда приидешь в Царствие Твое» (ср. Лк. 23, 42) в час разлучения нашего от тела, на гранях вечности.

Спасительный Божий дар — покаяние — требует, чтоб мы приняли его с величайшим благоговением и тщательностию. Небрежное, презорливое поведение по отношению к дарам Божиим влечет за собою страшные бедствия, которые естественно возникают из такого поведения. Как не возникнуть величайшему, душевному, существенному, вечному бедствию, когда мы, принимая дар Божий, отвергнем должное изучение

как самого дара, так и употребления, какое должно из него сделать? К несчастью, многие поступают крайне небрежно и невежественно с великим даром покаяния! Они не хотят познать, что покаяние не может быть совмещено с произвольной греховною жизнью. Пребывая в греховной жизни по сочувствию к ней, по привязанности к ней, они в известные времена прибегают к покаянию, чтобы, омывшись на минуту, снова погрузиться в греховную скверну. О страшный обман самих себя! О страшная насмешка над даром Божиим! О страшное ругательство над Богом! «Последнее бывает для таковых хуже первого» (2 Пет. 2, 20–21). Таким лицемерным покаянием, такой игрою великим таинством и насмешкою над ним печатлется, упрочивается греховная жизнь, делается неотъемлемою собственностью человека. К произвольным грехолюбцам относятся следующие слова святого Иоанна Богослова: «Всякий согрешающий не видел Его (Господа Иисуса Христа) и не познал Его. Дети! да не обольщает вас никто. Кто делает правду, тот праведен, подобно как Он праведен. Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил. Для сего—то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола. Всякий, рожденный от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем; и он не может грешить, потому что рожден от Бога. Дети Божии и дети диавола узнаются

так: всякий, не делающий правды, не есть от Бога, равно и не любящий брата своего» (1 Ин. 3, 6–10). Явны чада Божия и чада диаволы; признак различия их ясен; обман — невозможен. Проводящие произвольную греховную жизнь, утопающие в плотских наслаждениях, хотя бы и назывались христианами, суть чада диавола; напротив того, признак чад Божиих состоит в том, что они проводят жизнь по завету Евангелия и Святой Церкви, а грехи, в которые впадают по немощи, поспешно врачуют покаянием. Вполне безгрешным и самый праведник быть не может: и для него необходимо врачевство покаянием, как засвидетельствовал тот же святой апостол Иоанн. «Если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас» (1 Ин. 1, 8). Христиане первенствующей Церкви, оставляя веру язычников, оставляли и жительство их (ср. 1 Пет. 4, 3–4). Это жительство святой апостол Петр называет разлитием блуда. Не говоря о народных увеселениях, все учреждения язычников представляли собою разнообразное служение сладострастию, которое, как потоп, обымало все общество. Греховная развратная жизнь была жизнью язычников, душою общества их! она никак не может быть совмещена с христианством.

Возлюбим покаяние — и получим спасение. Примем от руки Господа пожизненный дар по-

каяния — и получим в свое время вечный дар спасения. Всеблагий Бог «дал... покаяние в жизнь» (Деян. 11, 18): Он даст истинно кающимся, примирившимся с Ним, усвоившимся Ему посредством покаяния, блаженство в вечности, «ибо от Господа спасение» (Пс. 3, 9).

*О покаянии (Поучение 2-е
в Неделю по Богоявлению) (т. 4)*

Крест

Что значит «взять крест свой» (Мк. 8, 34)? Крест был орудием поносной казни для черни и пленников, лишенных права гражданского. Гордый мир, мир враждебный Христу, лишает учеников Христовых тех прав, которыми пользуются сыны мира. «Если бы вы были от мира, — говорит Господь Своим последователям, — то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир... Изгонят вас из синагог; даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу» (Ин. 15, 19; 16, 2). Взять крест свой — значит великодушно переносить те насмешки и поношения, которыми мир осыпает последователя Христова, те скорби и гонения, которыми грехолюбивый и слепотствующий мир преследует последователя Христова. «Ибо то угодно Богу, — говорит святой апостол Петр, — если кто, по-

мышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо... Ибо вы к тому призваны» (1 Пет. 2, 19, 21) Господом, Который известил Своим возлюбленным: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16, 33).

Взять крест свой — значит доблественно переносить тяжкий невидимый труд, невидимое томление и мученичество ради Евангелия при борьбе с собственными страстями, с живущим внутри нас грехом, с духами злобы, которые с яростью восстанут против нас и с ожесточением воспротивятся нам, когда мы вознамеримся свергнуть с себя иго греха и подчиниться игу Христову.

«Наша брань, — сказал святой апостол Павел, — не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной (Еф. 6, 12). Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу» (2 Кор. 10, 4–5). Одержав победу в этой невидимой, но многотрудной брани, апостол восклицал: «Я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира» (Гал. 6, 14).

Взять крест свой — значить с покорностью и смирением подчиниться тем временным скорбям и бедствиям, которые благоугодно Божественному Промыслу попустить нам в очищение наших согрешений. Тогда крест служит для человека лестницею от земли к небу. Востек по этой лестнице упоминаемый в Евангелии разбойник, востек из среды ужаснейших преступлений в светлейшие обители рая: он с креста своего произнес исполненные смиренномудрия глаголы; смиренномудрием вступил в богопознание, богопознанием приобрел небо. «Достойное по делам нашим приняли...», — сказал он. — Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» (Лк. 23, 41–42). И мы, возлюбленные братья, когда окружают нас скорби, будем повторять слова разбойника, слова, цена которых — рай! Или, подобно Иову, благословим карающего нас правосудного и вместе милосердного Господа. «Неужели доброе, — говорил этот страдалец, — мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?... Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов 2, 10; 1, 21). Да сбудется над нами неложное обетование Божие: «Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его» (Иак. 1, 12).

Взять крест свой — значит добровольно и с усердием подчиниться лишениям и подвигам, которыми обуздываются бессловесные стремления нашей плоти. К такому распятию плоти прибегал и святой апостол Павел: «Усмиряю и порабощаю тело мое, — говорит он, — дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (1 Кор. 9, 27). «Живущие по плоти», то есть не обуздывающие своей плоти, но допустившие ей преобладание над духом, «Богу угодить не могут» (Рим. 8, 8). И потому, живя во плоти, мы должны жить не для плоти! «Если живете по плоти, то умрете» вечной смертью, «а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете» вечной, блаженной жизнью (Рим. 8, 13). Плоть существенно обуздывается духом; но тогда только дух может властвовать над плотью и управлять ею, когда она приготовлена к повиновению распятием ее. Распинается плоть постом, бдением, коленопреклонениями и другими телесными трудами, возлагаемыми на нее благоразумно и умеренно. Благоразумный и умеренный телесный подвиг освобождает тело от тяжести и дебелости, изоощряет его силы, содержит его постоянно легким и способным к деятельности. «Те, которые Христовы, — говорит апостол, — распяли плоть со страстями и похотями» (Гал. 5, 24).

Что значит взять крест, и взять крест именно свой? Это значит, что каждый христианин должен

терпеливо переносить именно те оскорбления и те гонения от мира, которые его постигают, а не какие-либо другие. Это значит, что каждый христианин должен с мужеством и постоянством бороться именно с теми страстями и с теми греховными помыслами, которые возникают в нем. Это значит, что каждый христианин должен с покорностью, с преданностью воле Божией, с исповеданием правосудия и милосердия Божия, с благодарением Богу переносить те именно скорби и лишения, какие попустит ему Божественный Промысл, а не другие какие-либо, рисуемые и предлагаемые гордостным мечтанием. Это значит — довольствоваться именно теми телесными подвигами, которые соответствуют нашим телесным силам, в которых именно нуждается плоть наша для содержания ее в порядке, а отнюдь не стремиться, увлекаясь тщеславным усердием, по выражению святого Иоанна Лествичника (Лествица, 26), к усиленному посту, к усиленному бдению и прочему безмерию в подвигах, разрушающему телесное здравие и направляющему дух к самомнению и самообо-
лщению. — Все человечество трудится и страждет на земле; но как разнообразны эти страдания! как разнообразны страсти, которые нас борют! как разнообразны те скорби и искушения, которые посылает нам Бог для врачевания нашего, для очищения наших согрешений! какое различие

у человека в самых телесных силах, в самом здравии! Точно: у каждого человека — крест свой. И этот — то крест свой заповедано каждому христианину принять с самоотвержением и последовать Христу. Кто принял крест свой, отвергшись себя, тот примирился с самим собою, с обстоятельствами своими, с положением своим, внешним и внутренним; тот только может разумно и правильно последовать Христу.

Что значит — последовать Христу? Значит: изучать Евангелие, иметь Евангелие единственным руководителем деятельности ума, деятельности сердца, деятельности тела. Значит: заимствовать свой образ мыслей из Евангелия, настроить сердечные чувства по Евангелию и служить выражением Евангелия всеми поступками, всеми движениями, тайными и явными. К такому последованию Христу способен, повторяем, только тот, кто, избежав обольщения изволенным ему смиренномудрием, восхотел обрести истинное смиренномудрие там, где оно почивает — в послушании и покорности Богу. Вступивший в повиновение Богу, в повиновение, соединенное с полным самоотвержением, взял крест свой, признал и исповедал этот крест своим...

Почтим Честный Крест Христов — орудие победы и знамя славы Христовой — исповедав каждый с креста своего: «Достойное по делам

моим восприемлю! помяни мя Господи во Царствии Твоем!» Сознанием своей греховности, благодарением Богу, покорностию воле Божией соделаем крест свой — орудие казни и знамя бесчестия — орудием победы и знаменем славы, подобно Кресту Господню. Отверзем себе крестом рай. Не позволим себе зловредного ропота, в особенности не позволим себе душепагубной хулы, которые часто слышатся из уст ослепленного, ожесточенного грешника, терзающегося и бьющегося на кресте своем, тщетно порывающегося избавиться от креста. При ропоте и хуле крест делается невыносимою тяжестью, увлекающей во ад распятого на нем. «Что я сделал?» — вопиет несознающийся грешник, — и укоряет в неправосудии и немилосердии правосудного и милосердного Бога, порицает и отвергает Промысл Божий; увидев распятым Сына Божия, насмешливо и лукаво требует от Него: «Если Ты Христос, спаси Себя и нас» (Лк. 23, 39), «сойди с креста» (Мф. 27, 40). Но Господь наш Иисус Христос «волею благоволи плотию взыти на крест и смерть претерпети» (тропарь воскресный, гл. 2), чтоб крестом примирить с Богом человечество, смертью спасти человечество от вечной смерти. Приуготовляя святых апостолов к великому событию — к имеющему совершиться искуплению рода человеческого страданиями и поносною смертью вочеловечившегося Богочеловека, Гос-

подь благовременно поведал апостолам, что Ему надлежит быть предану в руки грешников, много пострадать, быть убитым и воскреснуть. Такое предсказание показалось некоторым из святых Апостолов странным и несбыточным. Тогда Господь призвал пред Себя учеников Своих и сказал им: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк. 8, 34).

О крестоношении (Поучение в 3-ю неделю Великого поста) (т. 4)

Благодать

Научаемые Священным Писанием и писаниями святых отцов, мы веруем и исповедуем, что Божественная благодать действует как прежде, так и ныне в Православной Церкви, несмотря на то, что обретае мало сосудов, достойных ее. Она осеняет тех подвижников Божиих, которых ей благоугодно осенить. Утверждающие, что ныне невозможно христианину сделаться причастником Святаго Духа, противоречат Священному Писанию и причиняют душам своим величайший вред, как об этом прекрасно рассуждает преподобный Макарий Великий (Слова, 3, 12–14). Они, не предполагая в христианстве никакой особенно высокой цели, не ведая о ней, не стараются, даже нисколько не помышляют о достижении ее: довольствуясь наружным испол-

нением некоторых добродетелей, лишают сами себя христианского совершенства. Что хуже всего, — они, удовлетворяясь своим состоянием и признавая себя, по причине своего наружного поведения, восшедшими на верх духовного жительства, не только не могут иметь смирения, нищеты духовной и сердечного сокрушения, но и впадают в самомнение, в превозношение, в самообольщение, в прелесть, уже нисколько не заботятся об истинном преуспевании. Напротив того, уверовавшие существованию христианского совершенства устремляются к нему всеусердно, вступают в неослабный подвиг для достижения его. Понятие о христианском совершенстве охраняет их от гордости: в недоумении и плаче предстоят они молитвою пред заключенным входом в этот духовный чертог. Введенные Евангелием в правильное самовоззрение, смиренно, уничиженно думают они о себе: признают себя рабами непотребными, не исполнившими назначения, приобретенного и предначертанного Икупителем для искупленных Им человеков. Отвержение жительства по заповедям Евангелия и по учению святых отцов — жительство самовольное, основанное на собственном умствовании, хотя бы и очень подвижное или очень благовидное — имеет самое вредное влияние на правильное понимание христианства, даже на догматическую веру (ср. 1 Тим. 1, 19). Это доказано со всею ясностью

характером тех нелепых заблуждений и того разврата, в которые ринулись все отступники, все еретики и раскольники.

Вместе с этим, опять основываясь на Божественном Писании и на писаниях отеческих, мы утверждаем, что ум и сердце, не очищенные от страстей покаянием, неспособны соделаться причастниками Божественной благодати, — утверждаем, что сочиняющие для себя благодатные видения и благодатные ощущения, ими льстящие себе и обманывающие себя, впадают в самообольщение и бесовскую прелесть. Несомненно веруя существованию благодатного действия, столько же несомненно мы должны верить недостойнству и неспособности человека, в его состоянии страстном, к принятию Божией благодати. По причине этого сугубого убеждения погрузимся всецело, бескорыстно, в делание покаяния, предав и вручив себя всесовершенно воле и благодати Божией.

О молитве Иисусовой (т. 1)

Молитва

Путь к Богу — молитва. Измерение совершаемого пути — различные молитвенные состояния, в которые постепенно входит молящийся правильно и постоянно.

Научись молиться Богу правильно. Научившись молиться правильно, молись постоянно, — и удобно наследуешь спасение. Спасение является от Бога в свое время, с неоспоримым сердечным известованием о себе, молящемуся правильно и постоянно.

Для правильности молитвы надобно, чтоб она приносилась из сердца, исполненного нищеты духа; из сердца сокрушенного и смиренного. Все другие состояния сердца, до обновления его Духом Святым, признавай — каковы и точно они — несвойственными кающемуся грешнику, умоляющему Бога о прощении грехов своих и об освобождении — как из темницы и оков — из порабощения страстям.

О молитве (т. 1)

Когда желаем предстать царю земному, то готовимся к этому с особенной тщательностью: изучаем, какое должно быть при беседе с ним настроение наших сердечных чувств, чтоб по порыву какого-нибудь чувства не увлечься в слово или движение, царю неприятное; заблаговременно придумываем, что говорить ему, чтоб говорить одно угодное, и тем расположить его к себе; заботимся о том, чтоб самый наружный вид наш привлек его внимание к нам. Тем более мы должны сделать приличное пригото-

ление, когда желаем предстать Царю царей и вступить молитвою в беседу с Ним.

«Человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце» (1 Цар. 16, 7), но в человеке расположение сердца наиболее соотнобразуется с положением лица его, его наружности. И потому давай при молитве самое благоговейное положение телу. Стой, как осужденный, с поникшею главой, не смея воззреть на небо, с опущенными вниз руками или сложив их сзади, как бы от связания веревками, как обыкновенно бывают связаны схваченные на месте преступления преступники. Звук голоса твоего да будет жалостным звуком плача, стоном уязвленного смертоносным оружием или терзаемого лютою болезнью.

Бог зрит на сердце. Он видит самые сокровенные, самые тончайшие помышления и ощущения наши; видит все прошедшее и все будущее наше. Бог — вездесущ. И потому стой на молитве твоей, как бы ты стоял пред Самим Богом. Точно ты стоишь пред Ним! Ты стоишь пред Судьею твоим и полновластным Владыкою, от Которого зависит твоя участь во времени и в вечности. Употреби твое предстояние пред Ним на устройство твоего благополучия; не допусти, чтоб это предстояние, по недостойнству своему, послужило для тебя причиною казней временных и вечных.

Намереваясь принести Богу молитву, отвергни все помышления и попечения земные. Не

занимайся мыслями, которые тогда придут к тебе, как бы они не казались важными, блестящими, нужными. Отдай Божие Богу, а нужное для временной жизни успеешь отдать в свое время. Невозможно в одно и то же время работать Богу молитвою и занимать ум помышлениями и попечениями посторонними.

Пред молитвою покади в сердце твоём фи́миа́мом страха Божия и святого благоговения: помысли, что ты прогневал Бога бесчисленными согрешениями, которые Ему явнее, нежели самой совести твоей: постарайся умиловить Судью смирением. Остерегись! Не возбуди Его негодования небрежением и дерзостью: Он благоволит, чтоб даже ближайšie к Нему, чистейшие ангельские Силы предстояли Ему всяким благоговением и святейшим страхом (ср. Пс. 38, 8).

Риза души твоей должна сиять белизною простоты. Ничего не должно быть тут сложного! Не должны примешиваться лукавые помыслы и ощущения тщеславия, лицемерства, притворства, человекоугодия, высокоумия, сладострастия — этих темных и зловонных пятен, которыми бывает испещрена душевная одежда молящихся фарисеев.

Вместо жемчугов и алмазов, вместо золота и серебра, укрась себя целомудрием, смиренномудрием, слезами кротости и духовного разума,

а прежде нежели получишь эти слезы, слезами покаяния; укрась себя младенческим, ангельским незлобием: вот драгоценная утварь! Когда увидит Царь царей на душе эту утварь: склоняются к душе — Его милостивые взоры.

Прощение всех, всех без исключения обид, и самых тягчайших — неперенное условие успеха в молитве. Егда стоите молящися, повелевает Спаситель, отпускайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша. Аще ли же вы не отпускаете, ни Отец ваш, иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваша (Мк. 11, 25–26). «Молитвы памятозлых — посевы на камне», — сказал преподобный Исаак Сирский (Слова, 89).

О молитве (т. 1)

Не нужны Богу наши молитвы! Он знает, и прежде прошения нашего, в чем мы нуждаемся; Он, Премилосердный, и на не просящих у Него изливает обильные щедроты. Нам необходима молитва: она усвояет человека Богу. Без нее человек чужд Бога, а чем более упражняется в молитве, тем более приближается к Богу.

Молитва — причащение жизни. Оставление ее приносит душе невидимую смерть.

Что воздух для жизни тела, то Дух Святой для жизни души. Душа посредством молитвы дышит этим святым, таинственным воздухом.

Когда восстанешь от сна, — первая мысль твоя да будет о Боге; самый начаток мыслей твоих, еще не запечатленный никаким суетным впечатлением, принеси Богу. Когда отходишь ко сну, когда готовишься погрузиться в этот образ смерти, — последние твои мысли да будут о вечности и о царствующем в ней Боге.

О молитве (т. 1)

Приноси Богу молитвы тихие и смиренные, а не пылкие и пламенные. Когда соделаешься таинственным священнослужителем молитвы, тогда взойдешь в Божию скинию и оттуда наполнишь священным огнем кадильницу молитвенную. Огонь нечистый — слепое, вещественное разгорячение крови — воспрещено приносить пред Всесвятого Бога.

Священный огонь молитвы, заимствуемый из Божией скинии, — святая любовь, изливаемая в истинных христианах Духом Святым (ср. Рим. 5, 5). Сияющий совокупить молитву с огнем крови мнит, в самообольщении своем, обманутый мнением о себе, совершать служение Богу, а на самом деле прогневляет Его.

Не ищи в молитве наслаждений: они отнюдь не свойственны грешнику. Желание грешника ощутить наслаждение есть уже самообольщение. Ищи, чтоб ожило твое мертвое, окаменевшее сердце, чтоб оно раскрылось для ощущения гре-

ховности своей, своего падения, своего ничтожества, чтоб оно увидело их, созналось в них с самоотвержением. Тогда явится в тебе истинный плод молитвы: истинное покаяние. Ты восстанаешь пред Богом, и будешь вопиять к Нему молитвою из бедственного состояния души, тебе внезапно открывшегося; будешь вопиять, как из темницы, как из гроба, как из ада.

Покаяние рождает молитву и в сугубом количестве рождается от дщери своей.

Наслаждение в молитве — исключительный удел святых избранников Божиих, обновленных Святым Духом. Кто, увлекаемый порывами крови, увлекаемый тщеславием и сладострастием, сочиняет сам себе наслаждения, тот находится в горестном самообольщении. К такому сочинению очень способна душа, омраченная жительствою по плоти, душа, обманутая и обманываемая своей гордостью.

Ощущения, порождаемые молитвой и покаянием, состоят в облегчении совести, в мире душевном, в примирении к ближним и к обстоятельствам жизни, в милости и сострадании к человечеству, в воздержании от страстей, в хладности к миру, в покорности к Богу, в силе при борьбе с греховными помыслами и влечениями. Этими ощущениями — в которых, однако же, вкушение надежды спасения — будь доволен. Не ищи преждевременно высоких духовных состоя-

ний и молитвенных восторгов. Они совсем не таковы на самом деле, каковыми представляются нашему воображению: действие Святаго Духа, от Которого являются высокие молитвенные состояния, непостижимо для ума плотского (Св. Исаак Сирский. Слова, 55).

О молитве (т. 1)

Мир Христов

Благодатный мир Христов, которым подвижник вводится в чистую молитву, совершенно отличен от обыкновенного спокойного, приятного расположения человеков: вселившись в сердце, он оковывает возмутительные движения страстей, отъемлет страх не удалением страшного, но блаженным доблестным состоянием о Христе, при котором страшное не страшно, как Господь сказал: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Ин. 14, 27). В мире Христовом сокровенно жительствоует такая духовная сила, что он попирает ею всякую земную скорбь и напасть. Эта сила заимствуется из Самого Христа: «Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16, 33). Призываемый сердечною молитвою, Христос ниспосылает в сердце духовную силу, называемую

миром Христовым, непостижимую умом, невыразимую словом, непостижимо постигаемую одним блаженным опытом. «Мир Божий, — говорит апостол христианам, — который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе» (Флп. 4, 7). Такова сила мира Христова. Он — превыше всякого ума. Это значит: он превыше всякого ума созданных, и ума человеческого, и ума Ангелов света, и ума ангелов падших. Он, как действие Божие, властительно, Божественно распоряжается помышлениями и чувствованиями сердечными. При появлении его отбегают все помышления демонские и зависящие от них ощущения, а помышления человеческие вместе с сердцем поступают под его всясвятое управление и водительство. Отселе он делается царем их и соблюдает их, то есть хранит неприкосновенными для греха, о Христе Иисусе. Это значит: он содержит помышления неисходно в евангельском учении, просвещает ум таинственным истолкованием этого учения, а сердце питает хлебом насущным, сходящим с неба и дающим жизнь всем, причащающимся его (Ин. 6, 33). Святой мир, при обильном действии своем, наводит молчание на ум, и к блаженному внушению себя влечет и душу и тело.

Слово о молитве умной, сердечной и душевной (т. 2)

Действие мира Христова в человеке есть признак пребывания его в заповедях Христовых, вне заблуждения и самообольщения: напротив того, смущение, самое тончайшее, какими бы оно не прикрывалось оправданиями, служит верным признаком уклонения с тесного пути Христова на путь широкий, ведущий в погибель. Не осуждай ни нечестивого, ни явного злодея: «Перед своим Господом стоит он, или падает» (Рим. 14, 4). Не возненавидь ни клеветника твоего, ни ругателя, ни грабителя, ни убийцы: они распинают тебя одесную Господа, по непостижимому устройению судеб Божиих, чтоб ты, от сердечного сознания и убеждения, мог сказать в молитве твоей Господу: «Достойное по делами приемлю, помяни мя, Господи, в Царстве Твоем». Уразумей из попускаемых тебе скорбей твое несказанное благополучие, твое избрание Богом и помолись теплейшею молитвою о тех благодетелях твоих, посредством которых доставляется тебе благополучие, руками которых ты отторгаешься от мира, и умерщвляешься для него, руками которых ты возносишься к Богу. Ощути к ним милость по подобию той милости, которую ощущает к несчастному, утопающему в грехах человечеству Бог, Который предал Сына Своего в искупительную жертву за враждебное создание Создателю, ведая, что это создание в большинстве своем посмеется и этой Жертве, пренебрежет

ею. Такая милость, простирающаяся до любви к врагам, изливающаяся в слезных молитвах о них, приводит к опытному познанию Истины. Истина есть Слово Божие, Евангелие; Истина есть Христос. Познание Истины вводит в душу Божественную правду, изгнав из души падшую и оскверненную грехом правду человеческую: вшествие свое в душу Божественная правда свидетельствует Христовым миром. Мир Христов соделывает человека и храмом и священником Бога живаго: «В мире место Его (Божие), и жилище Его в Сионе. Тамо сокруши крепости луков, оружие и меч, и брань» (Пс. 75, 3–4, церковно-славянский перевод).

Слово о молитве умной, сердечной и душевной (т. 2)

Мир Христов, «который превыше всякого ума» (Флп. 4, 7), соединяющий воедино человека рассеченного грехом, мир Христов, исполняющий все существо наше непостижимою силою и небесною сладостию, начинает нисходить в душу, когда она очистится от страстей хранением заповедей Христовых и благочестивым подвигом. Чтоб сохранить мир Христов в себе, чтоб вкусить его обильно, чтоб измениться им из ветхого в нового человека — необходимо уединение. Сокровище, поверженное на распутьи, непременно должно быть расхищено и похищено.

Могуществен мир, истекающий от действия Святого Духа. Кто может противостать его влечению? От лица его бежат страсти, от действия его ум и сердце переселяются на Небо. Человек примиряется ко всему в Боге. Он начинает как бы плавать в неизмеримом пространстве духовного мира и познает, что заповедь Божия широка есть зело. Мир Христов совершил мучеников и преподобных; он выводит христианина из-под власти плоти и крови, исторгает отраву греховную из души и тела, уничтожает насильственное влияние демонов на душу и тело, вводит в христианина свойства Христовы — кротость, смирение, благодать. Душа, ощутив эти свойства, начинает вкушать чудный покой — залог и начало вечного покоя праведных в селениях вечного блаженства.

Письма о подвижнической жизни, 190 (т. 6)

Блаженство

Один Бог — предмет, могущий удовлетворить духовному стремлению человека. Так мы созданы, и для этого созданы. Человеку дано смотреть на Творца своего и видеть Его сквозь всю природу, как бы сквозь стекло, человеку дано смотреть на Него и видеть Его в самом себе, как бы в зеркале. Когда человек смотрит на Бога сквозь природу, то познает Его неизмеримую силу и муд-

рость. Чем больше человек приучается к такому зрению, тем больше Бог представляется ему величественным, а природа утрачивает пред ним свое великолепие, как проводник — и только — чудного зрения. От зрения Бога в нас самих мы достигаем еще больших результатов. Когда человек увидит в себе Бога, тогда зритель и зримое сливаются воедино. При таком зрении человек, прежде казавшийся самому себе самостоятельным существом, познает, что он создание, что он существо вполне страдательное, что он сосуд, храм для другого Истинно-Существа. Таково наше назначение: его открывает нам христианская вера, а потом и самый опыт единогласным свидетельством ума, сердца, души, тела. Но прежде этого опыта другой опыт свидетельствует о том же: ни созерцание природы, ни созерцание самих себя не может удовлетворить требованию нашего духа, с чем должно быть сопряжено величайшее, постоянное блаженство. Где нет совершенного блаженства, там в сердце еще действует желание; когда ж действует желание, тогда нет удовлетворения. Для полного удовлетворения, следовательно и блаженства, необходимо уму быть без мысли, то есть превыше всякой мысли, и сердцу без желания, то есть превыше всякого желания. Не могут привести человека в это состояние и усвоить ему это состояние ни созерцание природы самой по себе, ни человека самого

по себе. Тем более это невозможно, что в обоих предметах очень перемешано добро со злом, а блаженство не терпит ни малейшей примеси зла: оно — наслаждение цельным добром.

*Христианский пастырь
и христианин-художник (т. 4)*

Любовь

Братия! Познаем неизреченную любовь Божию к падшему человеческому роду. Господь вочеловечился, чтоб чрез вочеловечение соделать для Себя возможным принятие на Себя казней, заслуженных человеками, и казнью Всесвятого искупить виновных от казни. Что привлекло Его к нам сюда, на землю, в страну нашего изгнания? Правды ли наши? Нет! Его привлекло к нам то бедственное состояние, в которое ввергла нас наша греховность.

Грешники! Ободримся. Для нас, именно для нас, Господь совершил великое дело Своего вочеловечения; на наши болезни призрел Он с непостижимою милостию. Престанем колебаться! Престанем унывать и сомневаться! Исполненные веры, усердия и благодарности приступим к покаянию: посредством его примиримся с Богом. «Беззаконник, если обратится от всех грехов своих, какие делал, и будет соблюдать все уставы Мои и поступать законно

и праведно, жив будет, не умрет. Все преступления его, какие делал он, не припомнятся ему: в правде своей, которую будет делать, он жив будет» (Иез. 18, 21–22). Такое обетование дает Бог грешнику, устами Своего великого пророка

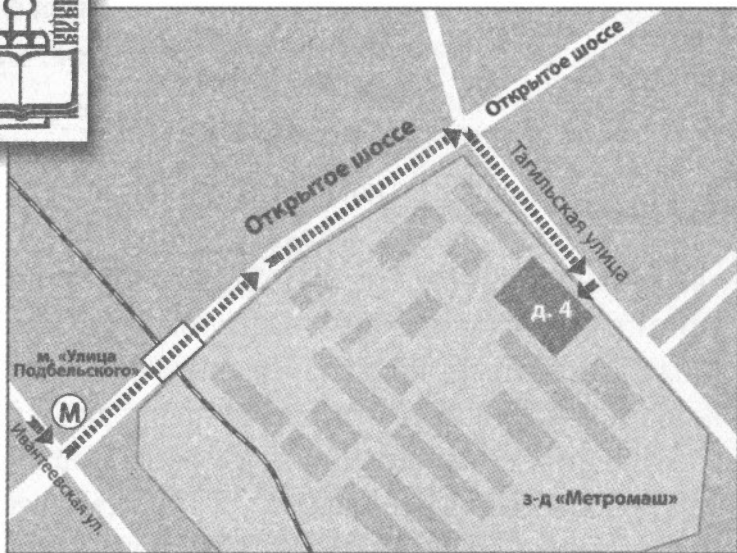
Будем соответствовать, по нашим слабым силам великой любви к нам Господа, как могут соответствовать любви Создателя Его твари, и твари падшие: покаемся! Покаемся не одними устами; засвидетельствуем наше покаяние не одними немногими, кратковременными слезами, не одним наружным участием в церковном богослужении, в исполнении церковных обрядов, чем довольствовались фарисеи. Принесем вместе со слезами, с наружным благочестием, и плод достойный покаяния: изменим жизнь греховную на жизнь евангельскую.

О покаянии (т. 1)

Общество с ограниченной ответственностью

«Неугасимая Лампада»

Директор В.Б. Шингирей

Оптовый склад в Москве

- Более 3000 наименований книг всех православных издательств России
- Церковная утварь
- Аудио- и видеопродукция
- Широкий ассортимент литературы собственного издательства в качественном полиграфическом исполнении
- Бесплатная доставка ж/д контейнерами и автотранспортом по России

Наш адрес: 107143, Москва, ул. Тагильская, 4
(на территории завода «Метромаш»)

Проезд до станции метро «Улица Подбельского»,
далее трамваем № 2, 13, 29, 36 до ост. «Тагильская улица»

**Телефоны: (499) 685-11-34, (985) 998-80-22,
(916) 637-70-94**

www.neyglamp.ru
www.православныймагазин.рф
E-mail: neyglamp@yandex.ru

